

без души, но с душком

Такеси Китано в драме «Кровь и кости»

АНТОН ДОЛИН

Любое появление самого любимого россиянами японца Такеси Китано на экранах — радость. Но вряд ли многим удастся донести ее до финала этого, идущего два с половиной часа фильма, не расплескав. «Кровь и кости» — кино впечатляющее, Китано тут хорош как никогда, но вот ощущения после просмотра — мрачнее не придумаешь.

«Кровь и кости» — экранизация одноименного бестселлера. Возможно, поэтому догадаться, что именно значит его заглавие, довольно трудно. Не исключено, что это деликатное предостережение для зрителя: особо чувствительным лучше даже не пробовать. Есть и другие версии. Фильм, которому идеально подошли бы такие броские заголовки последних лет, как «Невыносимая жестокость» или «История насилия», по сути рассказывает о двух субстанциях. Одна — жи-

вучая и подвижная, но текучая, непрочная, не способная за себя постоять: таков мир, в котором происходит действие, Осака в период с 1920-х по 1980-е. Вторая — твердая, белая, блестящая, служащая основой бытия, но страшноватая на вид: таков герой фильма Ким, роль которого исполнена Такеси Китано.

Эта рабочая косточка — отнюдь не мозговая. Искать дополнительных сложных смыслов в фильме режиссера Йоити Сая по книге Согил Яна ни к чему.

Даже нашим расширенным представлениям о сюжетосложении и драматургии он отвечает крайне слабо. «Кровь и кости» — не киноман, а хроника, последовательный рассказ о корейской диаспоре Осаки на протяжении пяти десятилетий XX века. У прочитавших это может вызвать законный вопрос: зачем жителям Москвы и прилегающих городов в середине 2005 года такое смотреть? Ответов будет два. Во-первых, «Кровь и кости» — образцово сделанное ки-

но, погружающее в удивительно правдоподобную вселенную, известную нам крайне мало. Фактура настолько увлекательна сама по себе и настолько выпукло подана, что к середине немаленькой картины по-настоящему проникаешься проблемами корейцев в послевоенной Японии и задумываешься о различиях капиталистического и социалистического путей развития в истории минувшего столетия. До сих пор такое погружение в материал обеспечивали только шедевры

итальянского неореализма и китайское фестивальное кино пятидесятителетней давности.

Во-вторых (и «в-главных», что уж там), участие Китано — достаточный повод пойти в кино. Его имя в титрах и физиономия на постере — вовсе не способ раскрутить посредственное кино. Не случайно сам «Бит» Такеси выступил в «Крови и костях» исполнительным продюсером. Играет он просто невероятно: устанешь восхищаться тем, как этот человек с парализованным лицом магнетически действует на любую аудиторию. В данном случае особенно важно то, что в центре — давно интересующий бывшего комика и видного теледеятеля феномен насилия человека над человеком. Изучение данного явления он начал еще знаменательной ролью в саге Нагисы Осимы «Счастливого рождества, мистер Лоуренс». «Жестокий полицейский» (там Китано был стражем порядка), «Точка кипения» (Китано-якудза) и «Фейерверк» (Китано — нечто среднее между полицейским и якудзой), поставленные им самим, продолжили тему. А «Кровь и кости» — кульминация и апофеоз.

По форме фильм — традиционная история одной семьи, а по сути — это наблюдение за главой этой семьи. Навивный паренек-эмигрант, впервые угревший трубы далекой Осаки с палубы корабля, превращается в щеголя в белом костюме, потом рушит молотом собственный дом, насилует раз за разом жену, избивает детей, между делом открывает рыбный завод, зарабатывает деньги, опять мучает домочадцев и потомков, меняет любовниц и дома, становится ростовщиком — и так вплоть до конца, когда где-то на краю света искореженный судьбой восьмидесятилетний, седой, будто замумифицированный Китано выпускает последнее дыхание. Эпохи меняются, а человек остается тем же жестоким и сильным животным. Цель — выживание; она достигается с успехом на протяжении всей картины, а со смертью кончается и история как таковая. «Кровь и кости» — дарвинистский фильм о конце эволюции и вечной победе доминирующего вида.

Образ Отца — чудовища и бога, способного жевать зубами фарфор и питаться червивым мясом из мусорного ведра, демонстрируя победу и над жизнью, и над смертью, — одно из высших актерских достижений Китано за всю его богатую карьеру. Смотреть на него жутко, не смотреть не получается — как на пугающий с детства скелет в кабинете биологии. Как и в случае со скелетом, особенно неуютно становится, когда внезапно осознаешь: а ведь под кожей и плотью я и сам точно такой же.